

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН О БЛОКЕ

(РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ БЛОКА
В БОЛЬШОМ ДРАМАТИЧЕСКОМ ТЕАТРЕ
15 НОЯБРЯ 1926 г.)

Сообщение Е. Ю. Литвин

Евгений Иванович *Замятин* (1884—1937) принадлежит к той плеяде мастеров русского слова, которые возвращаются ныне отечественной культуре. Он вступил на литературный путь в 1908 г., до революции прославился своими повестями «Уездное» и «На куличках», в первые послереволюционные годы активно сотрудничал вместе с Блоком и Горьким в издательстве «Всемирная литература».

Историю своих взаимоотношений с Блоком Замятин подробно изложил в воспоминаниях, напечатанных в журнале «Русский современник» (1924, № 3). В архиве Замятина сохранился автограф воспоминаний, в котором по сравнению с журнальным текстом, опубликованным А. Ю. Галушкиным («Юность», 1988, № 5), имеется ряд разночтений.

За несколько лет до воспоминаний в журнале «Записки мечтателей» (1921, № 4), непосредственно после смерти Блока появилась небольшая статья Замятина. Здесь он писал: «Два Блока: один — в шлеме, в рыцарских латах, в романтическом плаще; и другой — наш, земной, в шерстяном белом свитере, в черном пиджаке, с двумя глубоко врезанными складками по углам губ. Один из этих двух, конечно, не умер. Рыцарь Прекрасной Дамы» (с. 11). То был первый набросок будущих воспоминаний.

Замятин начинает свои воспоминания о Блоке с 1918 г., но познакомились они раньше. Первое упоминание Блока о Замятине в Записной книжке от 24 октября 1915 г.: «Ремизову — „Степка-Растрепка“ (у него — Федор Иванович и Замятин)» (ЗК, 269). А еще раньше появилась рецензия Замятина на первый и второй сборники «Сирин», вышедшие в 1913—1914 гг. В первом сборнике была напечатана драма Блока «Роза и Крест». В рецензии Замятин, в частности, писал: «...Блок ясен и морозен, но в холодной дали плещутся неверно-ласковые звезды. И к ним, недостижимым, Блок устремляет свой путь: к Прекрасной Даме, которой нет, которая мечта, путь к которой страданье. „Роза и Крест“ — драма Блока в первом сборнике „Сирин“ — о рыцарях, замках, певцах и турнирах, и все же драма эта наша близкая, русская. Драма зовет к страданью: нет радости выше страданья от любви к человеку. Это ли не русское? Уж что-что, а страдать мы умеем < ... >» («Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни», 1914, № 4, с. 158).

В январе 1918 г. Блок закончил свою программную статью «Интеллигенция и революция». Опубликованная в первом номере журнала «Наш путь», она вызвала бурю откликов, большая часть которых была резко негативной (Ю. Айхенвальд. Псевдореволюция. — «Накануне», 1918, № 4, с. 2—3; А. Чеботаревская. Стрельба по своим. — «Новый вечерний час», 1918, 29 января; В. Ховин. Безответные вопросы. — «Книжный угол», 1918, № 2, с. 24—25). Е. Замятин тоже присоединился к этому недружественному хору. Его статья «Домашние и дикие», помещенная в эсеровской газете «Дело народа» 4 мая 1918 г. под псевдонимом «Мих. Платонов», — вторая в цикле статей о современной литературе, напечатанных газетой. (Первая статья «Презентисты» — о перерождении футуристов. — «Дело народа», 1918, 31 марта; третья — «Они правы» — о противостоянии свободного слова государственному насилию. — «Дело народа», 1918, 18 июня).

Статья «Домашние и дикие» написана в намеренно гротескном стиле, производящем на первый взгляд сильное впечатление. Например: «Два сорта мечтателей: домашние и дикие. Домашние — и церкви и отечеству и себе на пользу; дикие — на вред. Домашние удобны, дикие — неудобны. И если диких полезней изолировать в особые хранилища, то домашних надо просто искусственно размножать, устраивать для них питомники и садики. < ... > И домашний мечтатель,

конечно,—удобнейший гражданин. Бьют в морду; но Боже мой, ведь это же ради высшей свободы. < ... > Зажать нос, закрыть глаза, заткнуть уши — и веровать: это — великий талант, это делает жизнь удобной < ... > Умудренный Блок знает, как опустошена жизнь имеющих слишком тонкий слух, и он прав, конечно: практичный, удобный, жизнеспособный слух, умеющий примириться с фальшивыми нотами.

< ... > Поэт примирился. Поэт хочет жить, а не мечтать. И его дар, немножко видоизмененный и практически приспособленный, становится уже не бременем неудобноносимым, как раньше, а удобным и приятным». Однако полемическое выступление Замятина, по-видимому, не отразилось на добрых отношениях Блока с ним, на их совместной работе в издательстве «Всемирная литература» и «Доме искусств». Имя Замятина упоминается в Дневнике Блока от 16 ноября 1920 г. и в Записных книжках от 5, 31 марта, 17 июня, 30 августа 1919 г. и 2 марта, 8 апреля, 4 и 27 мая, 10 июня, 20 и 27 июля, 10 августа, 14 сентября и 27 ноября 1920 г.

Неизвестно, существовала ли переписка между Блоком и Замятиным. Сохранилось лишь одно их совместное письмо с группой писателей в Государственный контроль при Наркомпросе от 23 мая 1919 г. с просьбой выплатить гонорар за работу в изд-ве Союза деятелей художественной литературы (ГПБ, ф. 77, ед. хр. 19) и упоминание о Замятине в письме к Блоку В. С. Миролюбова от 23 февраля 1916 г. (ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 335, л. 17). Но зато в библиотеке Блока сохранилось издание книги Г. Уэллса «Война в воздухе» (Пб., «Всемирная литература», 1919) в переводе Э. Пименовой, под редакцией и с предисловием Е. Замятина, с многочисленными пометами Блока именно в предисловии (стр. 7—12). Вот некоторые из них, наиболее интересные, на наш взгляд:

- с. 8—9* *И нужен был жестокий опыт всемирной войны, чтобы человек понял, что здание старого мира никуда не годится, что стены между науками надо разрушить; что мечи надо перековать на серпы.*
...как понял Берт в романе Уэллса: «Шесть семь правительств с глупыми флагами и глупыми газетами направляют нас друг на друга и мешают нашему объединению. Довольно уже». Н а р о д ы никогда не воюют друг с другом: воюют правительства.
- с. 11 *...И у нас, в России, еще так недавно смертная казнь вызывала протесты и возмущение. Теперь же, по обе стороны фронта гражданской войны, с одинаковым равнодушием расстреливают и вешают и хладнокровно читают в газетах длинные списки казненных. А между тем смертная казнь — неизмеримо «ужаснее всякого сражения», как замечает Уэллс устами все того же самого английского механика Берта.*
- с. 12 *...Мальчик — дитя нового поколения — с недоверием слушает рассказы деда о том, что когда-то были железные дороги, электричество, книги... Из других произведений Уэллса мы знаем, что из этого безнадежного тупика он видит выход в братском сотрудничестве народов, в уничтожении капиталистической конкуренции, в коренной перестройке современного государства.*

Есть пометы Блока и в самом тексте романа, на с. 91 им отчеркнуты строки с 13 по 23: «Новый, наиболее широкий синтез человеческих отношений стал не только необходимостью, но, вдобавок, необходимостью неизбежной. Как некогда независимые герцогства Франции должны были слиться в единую нацию, так теперь нации должны стремиться к более широкому слиянию, должны были озаботиться о том, чтобы сберечь то, что практично и ценно и отбросить то, что уже вредно и уже устарело. Более разумный мир понял бы это стремление к слиянию наций, своевременно обсудил бы это, в результате такого слияния возникла бы великая цивилизация, и это было вполне возможно для человечества».

В библиотеке Блока был еще один роман Уэллса «Спящий пробуждается» (пер. Ек. Крейс, под ред. Е. И. Замятина. С предисловием Л. Григорьева. Пб., «Всемирная литература», 1919). Книга была получена Блоком 7 октября 1919 г., местонахождение ее сейчас неизвестно. Как неизвестно и местонахождение журнала «Дом искусств» (1921, № 1), полученного Блоком от Замятина (см.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Книга 3. Л., БАН, 1986, с. 265, 274).

Замятин очень тяжело переживал смерть Блока. В письме к Корнею Ивановичу Чуковскому от 8 августа 1921 г. он указывал: «< ... > 7 августа 1921 года такой же невероятный день, как тот — 1837 года, когда узнали: убит Пушкин. Я человек металлический и мало, редко кого люблю.

* Строки, отчеркнутые Блоком, выделяются курсивом.

Но Блока — любил, и вот — знать, что он умер — ну да что говорить. < ... >» (наст. том, кн. 2, с. 270).

Воспоминания Замятина о Блоке, опубликованные в «Русском современнике», стали итогом его размышлений о личности и судьбе большого художника, синтезировавшего в себе опыт целого поколения русской интеллигенции. В понимании большинства современников Блок, как и Лев Толстой, был олицетворением совести и выразителем высших человеческих идеалов. Эта мысль стала лейтмотивом замятинских воспоминаний, эта мысль о глубокой человечности Блока звучит и в небольшой речи Замятина на Вечере памяти Блока 15 ноября 1926 г. в Большом Драматическом театре.

Вечер был организован БДТ совместно с Всероссийским Союзом писателей. Замятин вел его литературную часть вместо заболевшего Ф. К. Сологуба. Подробное описание этого вечера было сделано Д. Толмачевым в журнале «Жизнь искусства» (1926, № 47, с. 46). Ниже приводится текст заметки: «Вечер Блока в Б.Д.Т.»

«Чествование памяти Александра Блока, устроенное Большим Драматическим театром совместно с Союзом писателей, имело двоякое значение. Первое — посильное выявление и приближение к читающей и слушающей публике стихотворного наследия поэта, а также его театральных работ и замыслов. Второе — громадная культурная ценность этого вечера для той чуткой, умеющей по-настоящему волноваться аудитории (преимущественно учащейся молодежи), о которой мечтал Блок задолго до революции. Откликом и вниманием данной аудитории оправдывается начинание БДТ.

Не совсем продумана была докладная часть. Блок-театрал выявлен был в ней гораздо полнее и четче Блока-поэта. Замятин, представляя собою Союз писателей (правда, спешно заменяя заболевшего Сологуба), не вышел из рамок вступительного слова, краткого и очень общего. Критик Медведев¹ увлекся чрезмерной метафизикой, говоря главным образом о «музах» и «колдовских мирах» и устанавливая точное родство Поэта (с большой буквы) и гармонии. Новую для широкой публики область блоковского пути к театру, его поиски массового, народного зрителя, работу для этого зрителя, рожденного Революцией, и, наконец, понимание Блоком театрального действия как орудия высокого культурного влияния осветил лишь доклад Пиотровского². Об этом же сказалось и обращение Блока к актерам Большого Драматического, зачитанное Монаховым³; это театральное завещание поэта, которое следовало бы помнить всем, кто от высокой трагедии и комедии скатился не только в «долины психологизма», но и в болото натуралистического быта.

Удачный набор стихов лучше осветил творчество Блока, чем доклад «О значении поэта». За некоторыми исключениями (Софронов)⁴, радует и воспроизведение текстов и музыки. Бриан⁵, Андреева-Дельмас, Куклин⁶, с одной стороны, Л. Д. Басаргина-Блок, Шварц⁷, Чернявский⁸ — с другой, слили в одну крепкую программу слышанные нами ранее в отдельности вещи. В этой части вечера пятилетняя годовщина смерти Блока была отмечена достойно, и за нее следует принести благодарность как исполнителям, так и устроителям».

Прочитав речь Замятина, читатель сам сможет убедиться в поверхностной ее оценке автора отчета о Вечере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Павел Николаевич *Медведев* (1891—1942) — литературовед.

² Адриан Иванович *Пиотровский* (1898—1938) — театровед, заслуженный деятель искусств РСФСР.

³ Имеется в виду Речь Блока к актерам БДТ при закрытии сезона 5 мая 1920 г., в которой он призывал актеров учиться у великих классиков драматургии, отринув сиюминутные «искания» сегодняшнего дня.

Николай Федорович *Монахов* (1875—1936) — один из организаторов и ведущих артистов Большого драматического театра в Петрограде.

⁴ Василий Яковлевич *Софронов* (1884—1960) — актер, один из организаторов БДТ.

⁵ Мария Исааковна *Бриан* (1886—1965) — певица, с 1920 г. профессор Петроградской консерватории.

⁶ Николай Никанорович *Куклин* (1886—1950) — оперный артист, в 1918—1934 гг. служил в Ленинградском академическом театре оперы и балета; часто выступал в концертах.

⁷ Антон Исаакович *Шварц* (1896—1954) — мастер художественного слова.

⁸ Николай (Колау) Андреевич *Чернявский* (1892?—1942) — поэт, переводчик с грузинского языка.

РЕЧЬ Е. И. ЗАМЯТИНА
НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ БЛОКА

Сегодняшний вечер, посвященный пятой годовщине смерти Александра Блока, устраивается совместно В.С.П. и Б(ольшим) Драм(атическим) Т(еатром) — двумя организациями, к которым Блок был близок в последние годы своей жизни. Ввиду болезни Ф. К. Сологуба Правление Союза писателей поручило мне от имени союза открыть литературную часть вечера.

Я бы должен был, в сущности, заменить Сологуба до конца и сделать здесь, вместо него, обещанный доклад о Блоке. Но о том, что мне сейчас придется стоять здесь, я узнал неожиданно, только сегодня. Я слишком глубоко чту поэта Блока, чтобы говорить о нем, не прочувствовав, не прожив его еще раз. Поэтому пусть о творчестве Блока говорят сегодня другие. Я могу позволить себе только сказать несколько слов о человеке Блоке — вернее, даже одно только слово.

Это слово, если хотите, уже сказано — всеми, кто пришел сюда. Это слово сказано тем, что отсюда, с эстрады, виден переполненный зал. И это слово — вот оно: любовь — любовь к Блоку. Сюда пришли молодые и старые, пришли люди разных политических убеждений — пришли, конечно, не потому, что им хотелось послушать, как поет такой-то, как читает стихи такой-то: все пришли сюда потому, что они — самой настоящей человеческой любовью любят человека Блока. Я не оговорился: именно так — человека, именно это я хочу сказать.

Я не знаю никого другого из современных нам писателей, кого бы любили, как Блока, кого будут так любить. И тут дело не в поэтическом таланте Блока, как бы он ни был велик: очень талантливые поэты у нас есть и помимо него. Дело в том, что Блок был человеком необычайного горения благородства, необычайной искренности, честности, прямоты. И дело в том, что стихи он писал не чернилами, а своей кровью.

Чаще всего бывает так: писатель и человек — это не одно, это разное. Казалось бы, мы знали и двух Блоков: один — в шляпе, в романтических латах и в рыцарском плаще; другой — наш, земной, в неизменном свитере и черном пиджаке, с глубоко врезанными складками по углам губ. Но это только казалось: и в свитере он был тем же рыцарем. Стих и человек жили одним и тем же ритмом, в стихах и в человеке билось одно и то же горячее, вечно ищущее, вечно неудовлетворенное сердце. Человек Блок имел мужество раскрывать себя в стихах — всего, до конца, беспощадно, до последней искренности. И в этом — тайна общей любви к Блоку: через стихи Блока мы чувствуем человека Блока. А в этом человеке — с огромной, зажигающей силой — как лучи сквозь двояковыпуклое стекло — преломилось лучшее, что есть в нас, русских: это — способность никогда не быть сытым, всегда идти все дальше, хотя бы это грозило опасностью, гибелью.

В Блоке мы любим лучшее, что есть в нас. В нас это горит искрой, а в нем было пламя, иным только мешает, иных обжигает, а его — это сожгло.

И вот — человека Блока нет на земле. Того Блока, который пять лет назад, в белую апрельскую ночь — когда был устроен последний вечер — стоял здесь, на этой самой эстраде. Я еще и сейчас вижу, как он вышел, как одну минуту он колеблется — ищет глазами, где стать — и становится вон там — он стоит там, и матовым, усталым голосом, уже откуда-то издали — читает стихи о России — читает последний раз¹.

Трудно принять мысль, что никогда уже больше не услышишь этого голоса, и его удивительного, прекрасного, как у детей, смеха, и никогда больше не увидишь его строгого и нежного лица. От этого н и к о г д а — от этой, враждебной земному человеку бесконечности — наша земная боль.

И утешением людей служит только одно: человек Блок так полно, так щедро всего себя перелил в стихи, что он будет с нами, пока будут с нами его стихи. Поэт же Блок будет жив, пока живы будут мечтатели, пока живы будут вечно ищущие, а это племя у нас в России — бессмертно.

ПРИМЕЧАНИЯ

Печатается по автографу (ИМЛИ, ф. 47, оп. 1, ед. хр. 184)

¹ Вечер Блока в Большом Драматическом театре состоялся 25 апреля 1921 г. Вступительное слово произнес К. И. Чуковский, затем на сцену вышел сам Блок с чтением своих стихов. В воспоминаниях Замятин так описывает этот вечер: «И вот доверху полон огромный Драматический театр (Большой) — и в полумраке шелест, женские лица — множество женских лиц, устремленных на сцену. Усталый голос Чуковского — речь о Блоке — и потом, освещенный снизу, из рампы, Блок — с бледным, усталым лицом. Одну минуту колеблется, ищет глазами, где стать — и становится где-то сбоку от столика. И в тишине — стихи о России. Голос какой-то матовый, как будто откуда-то уже издали — на одной ноте. И только под конец, после оваций — на одну минуту выше и тверже — последний взлет.

Какая-то траурная, печальная, неживая торжественность была в этом последнем вечере Блока. Помню, сзади голос из публики: — Это поминки какие-то!

Это и были поминки Петербурга о Блоке. Для Петербурга — прямо с эстрады Драматического театра Блок ушел за ту стену, по синим зубцам которой часовым ходит смерть: в ту белую апрельскую ночь Петербург видел Блока в последний раз» («Русский современник», 1924, № 3, с. 192).

В заключение — два небольших отрывка из воспоминаний Ю. П. Анненкова, близко знавшего и Блока и Замятина, отметившего существеннейшую черту человеческой личности каждого из них.

〈О Блоке〉: «Блок был очаровательным другом: ровным, открытым, верным. О моих встречах с ним я мог бы написать большую книгу, несмотря на то, что наша дружба длилась всего неполных два года» (Ю. Анненков, т. 1, с. 92).

〈О Замятине〉: «С Евгением Замятиным, самым большим моим другом я встретился в Петербурге в 1917 году. (...) Для меня Замятин, это прежде всего, — замятинская улыбка, постоянная, нестираемая. Он улыбался даже в самые тяжелые моменты своей жизни. Приветливость его была неизменной» (Ю. Анненков, т. 1, с. 246, 249).